

20 ЯНВАРЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ ТРАГЕДИИ

Мы публикуем воспоминания тех, в кого стреляли ворвавшиеся в мирный город советские войска. Московская пресса в 1990 году называла участников мирных митингов экстремистами. В 1990 году были собраны рассказы врачей, которые в ночь с 19 на 20 января в невероятно тяжелых условиях оказывали помощь пострадавшим жертвам военного террора.

Вспоминают врачи бакинских больниц

Вугар Юсифзаде, врач 1-ой клинической больницы (в 1990 году она еще носила свое старое название – больница имени Семашко): *Ночью 20 января я находился в районе Сальянских казарм. Из военного училища выехали танки, на люках сидели молодые солдаты. Если бы у тех, кто заблокировал выход из училища, были бы автоматы, вряд ли произошло то, чему я свидетель. К нам подошел офицер и потребовал дать дорогу танкам. Мы сели на асфальт перед воротами училища, и тогда солдаты бросили в нашу сторону несколько дымовых шашек. Когда ветер разнес дым, мы увидели, что в 50 шагах от нас стояли солдаты, прозвучала команда офицера, и солдаты защелкали затворами автоматов. С криками «Ура, вперед!» солдаты бросились на небольшую группу из сорока человек, мужчин и женщин. Началась паника, и мы бросились бежать, вдогонку раздавались выстрелы, несколько человек было ранено. Мне удалось спрятаться в кустах и я сам видел, как к раненым подходили солдаты и добивали их штык-ножом. После того, как таким образом была расчищена дорога, двинулись танки, давя лежащих на земле людей.*

Эльдар Алиев, врач-анестезиолог Института клинической экспериментальной хирургии: *Как только ночью 20 января раздалась в городе пальба, многие хирурги нашей больницы, у которых были автомобили, примчались на работу. Раненые стали поступать после часа ночи, и первая операция началась в два часа. Операции шли одна за другой всю ночь. К утру мы узнали, что та же ситуация и в других центральных больницах города.*

Джангир Гусейнов, тогда – главврач больницы Скорой медицинской помощи: *22 января в нашей больнице находилось 176 раненых, которые были прооперированы за двое суток нашими хирургами. Одно это свидетельствовало о лживых уверениях центральной прессы о якобы ста раненых во время входа войск в Баку. Кроме раненых, в больницу привозили трупы убитых людей, к утру 20 января привезли 30 трупов. Каждый день кто-то из раненых умирал.*

Нушаба Асадзаде, врач-терапевт: *Трупы складывались в ванной комнате, затем переправлялись в морг. В ночь на 20 января с каждым часом прибывало все больше и больше раненых. Оперировали во всех операционных, и даже в перевязочной и приемной, так как места в операционных уже не было, а поток раненых нарастал.*

Адалят Рустамов, хирург больницы Скорой помощи: *Ровно в половине первого ночи 20 января в больнице погас свет. Как мы проводили операции? Жгли свечи, затем принесли керосиновую лампу. К счастью, в больнице был свой генератор, и вскоре удалось его запустить.*

Д. Гусейнов, хирург: К тому времени я оперировал уже 35 лет, казалось бы, все перевидал, но такие раны, как на раненых 20 января, я видел впервые в жизни. Не только внутренние органы, но и кости были разрушены одной пулей.

Фуад Алиев, патологоанатом: Днем 20 января в наш морг было доставлено 85 трупов. 75 из 85-ти случаев – огнестрельные ранения в спину. Двое умерли от избиений, шестеро раздавлено БТР-ом, несколько человек погибли от колото-резаных ран, убиты штык-ножами. В 19-ти случаях люди от автоматных очередей, у одного из убитых мы насчитали шесть огнестрельных ран. Стреляли в упор, как говорят военные, на поражение.

Фуад Абдуллаев, врач клинической больницы им. Миргасымова: Я был дежурным в ту ночь и видел, что военные не позволяли нашим медсестрам и врачам подойти к раненым и убитым. Их много лежало прямо перед зданием нашей больницы и возле памятника 11 Красной Армии, возле которой ворвавшиеся в город танки стреляли в толпу.

Джахангир Атакишиев, врач-уролог той же больницы: Мы с Фуадом дежурили в хирургическом отделении. Когда началась пальба, я поднялся на крышу больницы, откуда было хорошо видно, как танки, сделав «круг почета» вокруг памятника 11-ой Красной Армии, разлетались по проспектам города, стреляя и давя толпы людей. Очень много погибло около памятника 11-ой Красной армии. Со стороны собравшихся не было произведено ни одного выстрела по танкам. Жертв было очень много, так как площадь перед памятником большая и негде было скрыться от десятков танков. Как только танки отъехали от памятника, мы бросились спасать раненых. В больницу раненых стали привозить с половины первого ночи. Кроме раненых огнестрельным оружием было много пострадавших с симптомами отравления удушающим газом типа «заман» или «зарин»: рвота, слезотечение, кровохаркание, явления удушья. Как только был сделан разрез брюшной полости одного раненого, вся операционная наполнилась запахом отравляющего газа. Мы вынуждены были остановить операцию и проветрить операционную. Мы работали всю ночь, поток раненых уменьшился только к шести часам утра. Одна из наших медсестер была ранена автоматной пулей, когда вела раненого в больницу. В наше отделение поступило тогда 38 человек, из них шестеро умерли еще до операции. Двое погибли во время операции. В отделение травматологии в ту ночь доставили 40 раненых, все молодые люди, самому старшему было 30 лет.

М. Гасымов, в 1990 году был главврачом Республиканской больницы: 21 января в больнице закончился перевязочный материал, кончились антибиотики, болеутоляющие. Не было недостатка только в крови, с утра 20 января толпы людей пришли на станцию по переливанию крови. Сдавать кровь приезжали и в нашу больницу, много крови сдали медсестры и врачи. С медикаментами и другим материалом для операций нам помогли коллеги из больниц Агсу, Бейлагана, **Шемахи** и других городов республики. Никакой помощи из Москвы, других городов СССР не поступало. 25 января в реанимации из огромного числа раненых осталось только трое, остальные переведены в палаты хирургических отделений. С 25 января все усилия были направлены на то, чтобы собрать медикаменты на случай новой атаки войск. Врачи считали, что вероятность очень высока. Днем 20 января в нашу лабораторию обратилось до трех тысяч человек, желающих сдать кровь. У 145 человек мы взяли кровь, остальных направили на Республиканскую станцию переливания крови.

Солтан Алиев, заместитель главного врача: *С 20 января, кроме дежурных по отделениям, мы создали 31 бригаду из врачей и медсестер, которые, сменяя друг друга, должны были дежурить круглосуточно по больнице. Все крупные больницы Баку перешли на такой же график работы. Мы пополнили запас медикаментов, болеутоляющих, операционного материала и были готовы к приему нового потока раненых. К счастью, этого не случилось. Если бы не мероприятия по подготовке к новому массовому поступлению раненых, у многих наших врачей и медсестер усугубилось бы состояние стресса. То, что увидели 20 января хирурги, так подавляло, что только состояние повышенной готовности спасло их от последствий испытанного психологического шока.*

22 января на сессии Верховного совета Азербайджанской республики была создана следственная комиссия по расследованию событий 20 января, выявлению организаторов и исполнителей кровавой расправы над гражданами Азербайджана, учиненной войсками Минобороны СССР, КГБ и МВД СССР в ночь с 19 на 20 января и последующие дни. В комиссии принимали участие депутаты Верховного совета, представители общественности, министры здравоохранения, юстиции, внутренних дел, председатель Верховного Совета. В комиссию стекалась информация не только из Баку, но и со всей республики. Днем 20 января на улицах и в домах было обнаружено 120 трупов. Обстоятельства гибели самые разные. Некоторые погибли, не выходя из дому. В людей стреляли солдаты не только после наступления комендантского часа, но и днем.

Выписка из журнала приемного отделения больницы Скорой помощи от 23 января: Поступила 23 января в 10 утра с огнестрельным ранением в грудную клетку 10-летнего Самира Багирова. В 14 часов доставлена с огнестрельным ранением шеи 12-летнего Гюльтекин Пашаева.

По словам Тамерлана Караева, заместителя следственной комиссии, в январе 1990 года ни по одному факту гибели мирных граждан не было возбуждено военной комендатурой Баку ни одного уголовного дела, за исключением уголовного дела по факту наезда БТР на автомобиль с учеными из НИИ хлороорганического синтеза.

Вспоминают «экстремисты» и «боевики»

Так центральная пресса тех дней называла жертв кровавой бойни, учиненной в Баку.

К. Керимов, старшеклассник: *20 января, где-то в районе 14 часов, я гулял с приятелем по парку. Мы увидели солдат, они открыли по нас пальбу. В меня попали, я упал, приятель убежал.*

К. Керимов поступил в Республиканскую больницу с диагнозом: Проникающее ранение брюшной полости, сквозное ранение грудной клетки.

А. Кулиев: *24 января я дежурил в штабе Народного фронта Насиминского района. Вошли солдаты, начали обыск, искали оружие, безрезультатно. Нас было 19 человек. Надели на нас наручники и предупредили, что если заговорим по-азербайджански, будут стрелять. Нас повели в здание райкома партии. Заставили сесть на корточки, положить руки за головы, и в таком положении продержали 6 часов. Если кто пошевелится – били дубинками и прикладами автоматов.*

А. Рустамов: *Меня арестовали 24 января за нарушение паспортного режима. Вот ведь как получилось, меня избивали в кабинете первого секретаря райкома партии, в котором за два года до этих событий мне вручали партийный билет. Я по профессии врач-хирург и провел много операций в январе. Избили меня так, что после пришлось лежать в одной палате с теми, кого еще недавно оперировал я сам.*

С. Мамедов: *Я был арестован, меня и еще несколько человек привели в какой-то подвал и начали допрос. Военные называли нас душманами, спрашивали «сколько*

я армян убил», требовали, чтобы я признался, что боевик и принимал участие в погромах и грабежах. Затем они раздели меня и подвели к двери со следами крови, сказали, что если я не признаюсь, меня расстреляют. Не добившись признания от меня, повели в районное РОВД, была уже ночь, наступил комендантский час. Один солдат говорит: «Эй, турок, иди сюда». Я подошел. «Беги, – сказал солдат, – а я буду стрелять, попаду – я меткий стрелок, а нет – считай, что тебе повезло». Я побежал, мне повезло, он не попал.

Яшар Наджафов: В ночь на 20 января вместе с друзьями по институту я был на митинге возле памятника 11-ой Красной Армии. Ничего подобного никто из нас не мог представить. Я служил в Афганистане. Если бы советские войска так вели себя там, весь мир поднялся бы против СССР. Когда я помогал раненому товарищу сесть в машину Скорой помощи, солдаты открыли огонь по ней и меня тоже ранили.

Военная комендатура успокаивает население

Эмилия Агаева, жительница дома №97 по улице Алескера Алекперова: Утром 20 января приезжала военная машина и по громкоговорителю нас предупредили, чтобы мы не выходили из дома. В 16 часов я выглянула в окно и увидела, как к нашему дому подъехали две бронемшины, подняли стволы пулеметов и начали стрелять прямо по окнам. Мы бросились в коридор и легли на пол. Через некоторое время стрельба прекратилась, но 21 и 22 января обстрелы нашего дома возобновлялись. До сих пор не могу понять, почему военные требовали, чтобы жильцы оставались дома. Получается, чтобы было больше жертв.

Жительница того же дома Татьяна Шик: В своей квартире я подобрала 28 гильз. Пулеметчики выбили стекла во всех окнах, были изрешечены все стены, исковеркана мебель. Жильцы нашего дома звонили в комендатуру и говорили, что танки обстреливают наш дом. А там их «успокоили»: «Если бы это были танки, от вашего дома ничего не осталось бы».

«Было оказано ожесточенное сопротивление», – заявляли военные

Но не упомянули, что «сопротивлялись» провокаторы.

Э. Захарьяш, начальник политотдела флотилии, член военного совета, позднее пытался оправдать действия армии в Баку: «Мы сделали все, чтобы избежать потери людей, десант высадили морем. Был отдан четкий приказ: огонь открывать на огонь. Происшедшее в Тбилиси научило нас быть щепетильными во всех вопросах. Когда высадили десант – он встретил сильное сопротивление, ожесточенный автоматный огонь. Высадку поддерживала бронетанковая техника. В свете прожекторов было видно, как несколько человек в гражданской одежде с автоматами сели в две легковые машины и умчались по направлению к городу».

В этом кратком отчете все поразительно. Что военные называют щепетильностью? 120 трупов за одну ночь? Почему не было организовано преследование лиц, оказавших «ожесточенное сопротивление».

Пять часов в огне

В ту трагическую ночь кандидат географических наук Мамед Садыгов был одним из тех, кто несмотря на огромный риск попасть под автоматные пули оккупантов, бросился на помощь раненым и развозил их на машине по больницам города.

Группа людей, примерно 200-250 человек, в которой находился М. Садыгов, поздним вечером 19 января заблокировала выход из пехотного училища, так называемых Сальянских казарм.

К полуночи М. Садыгов на своей машине направился к памятнику 11-ой Красной Армии возле нынешнего метро 20 января.

Рассказ участника событий 20 января М. Садыгова: Ближе к полуночи мы услышали гул приближающихся танков. Они входили в город со стороны поселка Баладжары нескончаемым потоком.

Описав «круг почета» вокруг памятника, танки разлетались по четырем направлениям: в сторону Сальянских казарм, по улице Пишевари, в сторону проспекта Ленина (ныне пр. Азадлыг) и к Тбилискому проспекту, в сторону больницы им. Семашко.

Обстреленная из пулеметов толпа на площади возле памятника рассеялась.

Площадь была заполнена стонущими ранеными людьми.

За танками появились БТРы, которые поливали разбегающихся людей автоматными очередями. Многие были ранены в спину. От Киностудии до памятника 11-ой Красной армии вся улица была полна ранеными и убитыми. Мы с группой товарищей организовали почти сразу после того, как танки разъехались по этим четырем направлениям, доставку раненых в больницы. В первую очередь мы доставляли раненых людей на ближайшую от памятника станцию Скорой помощи № 5.

Автомобили – частные и кареты Скорой помощи – беспрерывно доставляли в больницы раненых. Я на своем «Жигули» до утра сделал несколько рейсов, доставляя раненых к врачам. Солдаты открывали шкальный огонь по автомобилям, в которые мы сажали раненых. Стреляли не только по частным авто и такси, но и по машинам Скорой помощи.

Несколько убитых и раненых, доставленных на подстанцию №5, имели огнестрельные и колото-резаные раны, попросту говоря, раненых добивали штык-ножом.

В ту ночь, кроме двадцати машин станции Скорой помощи №5, беспрерывно доставляли раненых еще десятки такси и владельцы собственных автомобилей. Под автоматным огнем эти люди развозили раненых по больницам.

Медсестра Ирада Гусейнова работала в ту ночь диспетчером на станции №5. Она фиксировала всех доставленных раненых.

И. Гусейнова: В ночь на 20 января на нашу подстанцию было доставлено 89 человек. После первичной обработки ран мы направляли раненых в больницы города. В основном мы отвозили их в Республиканскую больницу, она недалеко от нашей подстанции.

М. Садыгов: Мы создали добровольную группу по доставке раненых. Водители Скорой помощи и такси, рискуя жизнью, под шквальным огнем автоматчиков доставляли раненых со всех горячих точек, от памятника 11-ой Красной Армии до памятника М. Азизбекова. Они не только доставляли раненых, но и были первыми, кто в Республиканской больнице сдавал кровь. Потому что запасы крови в больнице были исчерпаны в первый же час доставки раненых.

Через неделю в сводках военного коменданта Баку, опубликованных в газетах, сообщалось, мол, командование сделало все возможное для предупреждения жертв среди мирного населения и, якобы, под обстрел попали только боевики. Но я лично свидетель того, что в ночь на 20 января в Республиканской больнице, в больнице имени Семашко, в ряде других бакинских лечебниц был отключен свет и операции делались при свечах. Я хочу отметить тех, кто входил в ту трагическую ночь в нашу группу добровольной доставки раненых.

Это главврач подстанции № 5 А. Мурадов, водитель Скорой помощи Инглаб Мамедов, и жители города, доставлявшие на подстанцию и в Республиканскую больницу раненых на своих автомобилях: А. Абдулгасанов, А. Алиев, М. Гасанов, Н. Мирзоев...

Доставка раненых активизировалась к четырем утра. Многие и погибли от того, что солдаты автоматным огнем не подпускали нас подъехать к раненым.

Один раненый мужчина лет тридцати рассказывал нам, что где-то между 1 и 5 микрорайонами несколько танков и БТРов обстреляли раненых, лежащих на улице.

Житель пятого микрорайона Сеид Эминов, пытаясь вытащить из этой кровавой мясорубки раненых, был сам ранен в плечо и все же помог одному из лежавших на асфальте.

Никогда не забуду, как около Велотрека мы с водителем Н. Мамедовым подобрали парня, он был ранен в живот и истекал кровью. Мы нашли его слишком поздно, слишком большая кровопотеря.

Когда мы подъезжали с умирающим к Республиканской больнице, он попросил остановить машину и приподнять его голову. Окинул взглядом погруженный в темноту город и скончался.

Результаты независимого расследования

В период с 12 по 22 июля группа независимых военных экспертов провела расследование январских событий в Баку. Изучили материалы следственной комиссии Верховного совета Азербайджана, оперативные сводки партгосаппарата и УВД Баку, баллистические и трассологические экспертизы, медицинские заключения и показания персонала больниц и моргов города. Эксперты просмотрели 18 видеокассет (54 часа), опросили должностных лиц, военнослужащих и жителей Баку. Осмотрели места происшествий. Комиссия пришла к выводу, что в январе 1990 года в Баку было совершено военное преступление, и потребовала возбудить уголовное дело против министра обороны СССР Д. Т. Язова и ряда других лиц, виновных в совершении военных преступлений. Приводим выдержки из доклада независимых экспертов.

Ввод войск

«Ночью 20 января дороги, ведущие в город, и въезды в места, где располагались части Бакинского гарнизона, были заблокированы грузовиками, охранялись пикетчиками. Документального подтверждения наличия оружия у пикетчиков не имеется, таких подтверждений не представили официальные лица.

Ввод войск начался 20 января в 00. 00 часов в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О введении чрезвычайного положения в городе Баку» от 19 января. Использовались танки, БМП, БТР (вся бронетехника была без бортовых номеров), с кораблей ККВФ был высажен десант.

Войсками велась беспорядочная автоматнo-пулеметная стрельба по всем направлениям, что привело к многочисленным жертвам среди гражданского населения. Особой жестокостью отличались действия войск, вошедших в город со стороны аэропорта – они были укомплектованы резервистами. Среди резервистов оказалось много уголовников. В 6 часов утра 20 января войска установили полный контроль над городом. Спорадическая стрельба продолжалась в отдельных частях города 20-24 января, особенно интенсивно в районе Сальянских казарм».

Оповещение о введении чрезвычайного положения (ЧП)

«Заблаговременное предупреждение населения о готовящемся применении военной силы имеет большое значение, жертв было бы меньше. П.1 ст 4 Международного пакта о гражданских и политических правах от 1966 года провозглашает необходимость официально объявлять о введении ЧП. Между тем о ЧП в Баку население впервые узнало от коменданта города Дубиняка по радио и из листовок, которые начали сбрасывать с вертолетов лишь в пять часов утра 20 января. Когда город был занят войсками, была пролита кровь».

Об «Ожесточенном сопротивлении» со стороны боевиков войскам.

«Естественно предполагать, что в течение 5-дневных боев какое-то количество боевиков и снайперов с оружием будет захвачено. Установлены фамилии, типы захваченного оружия. Однако должностные лица не представили следственной комиссии ни одной фамилии боевика, ни одного доказательства применения оружия против войск.

Эксперты пришли к выводу: в первые часы 20 января интенсивного пулеметно-автоматного огня на поражение и огня снайперов по вошедшим в Баку войскам со стороны жилых домов поселка «Красный восток» не было. Огонь со стороны поселка «Красный восток» (он находится рядом с Сальянскими казармами) 21-24 января велся холостыми патронами специальной группой. Эта имитация была необходима командованию для создания видимости длительного боевого противодействия экстремистов для оправдания многочисленных жертв среди гражданского населения».

Последствия ввода армии в Баку

«В ходе введения ЧП в Баку имело место:

Расстрелы людей на месте в упор с особой жестокостью. Расстрелян, например, автобус номер 39(Икарус) вместе с пассажирами, в том числе и детьми;

умышленные наезды танков и БТР на легковые машины и убийство находящихся в них людей;

обстрелы больниц, машин Скорой помощи. Например, танками были обстреляны машины Скорой помощи номер 67-50 АГП, 67-51 АГП, 39-97 АГС;

убит врач Александр Мархевко;

использование пуль к автомату Калашникова калибром 5,45 со смещенным центром тяжести, который при попадании в тело изменяет направление движения. Такая пуля не просто выводит человека из строя, а многократно увеличивает его страдания;

мародерство, грабежи квартир и граждан, оскорбление задержанных, унижение их человеческого достоинства».

Выводы комиссии

«Вооруженные силы СССР были использованы в Баку не для защиты от внешней агрессии, а против собственного народа. Эта карательная операция представляет собой заранее организованное побоище невинных людей, совершенное с применением запрещенных международным правом средств ведения войны. Министр обороны СССР, руководивший операцией и допустивший возможность совершения личным составом армии военных преступлений, совершил тем самым военное преступление, подпадавшее под действие статьи 6 Устава международного трибунала. А также статей Уголовного кодекса Азербайджанской ССР, касающихся преступлений против личности(Гл. №3).

В отношении других лиц из состава армии, совершивших военные преступления, должны быть возбуждены уголовные дела. Материальный ущерб, нанесенный гражданам Баку, его учреждениям и организациям, должен быть возмещен Минобороны СССР».

А. Евстигнеев, капитан первого ранга запаса, кандидат технических наук.

Г. Мельков, капитан второго ранга запаса, доктор юридических наук.

Б. Мурасов, полковник запаса.

Отрывок из одной из статей в московской прессе 1990 года: «Необходимо обеспечить по возможности безболезненную эволюцию и перестройку политического мышления».

Что имеет в виду М. Горбачев под «безболезненной эволюцией», мир понял по событиям 20 января в Баку.

Опрос провел Ширин МАНАФОВ